

Д.В. Мещеряков,

заведующий научно-экспозиционным отделом

Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея

Е.В. Лылова,

археолог ООО «НПП Археобюро»

ПРОХОРОВСКИЕ КУРГАНЫ. НАЧАЛО САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ*

В последние годы, благодаря сенсационным результатам раскопок Филипповских курганов, сарматская культура, древние племена сарматов, сарматские сокровища, курганы сарматских вождей — всё это не сходит с уст экскурсоводов, рассказывающих о древней истории и культурном наследии Оренбуржья. По правде сказать, ареал сарматской культуры куда более обширен, чем границы Оренбургской области. Это степи от Челябинской области и Западного Казахстана до Нижнего Дона и предгорий Кавказа. Но мало кто знает, что начало сарматской археологии связано с Оренбургским краем.

Памятники раннего железного века начали исследовать в Оренбургской губернии ещё в конце XIX века. Однако первые исследователи — члены Оренбургской

Учёной Архивной комиссии Ж.-А. Кастанье, А.В. Попов, А.Л. Аниховский, Н.Е. Макаренко и другие, — как правило, не связывали их с сарматами, тем не менее коллекция музея ОУАК постоянно пополнялась новыми материалами. Это были находки из археологических раскопок и предметы, найденные жителями губернии в ходе разграбления древних курганов.

В 1911 году в Оренбургскую Учёную Архивную комиссию приставом Филатовым были доставлены уникальные находки из Прохоровских курганов, сыгравшие важную роль в становлении сарматоведения как науки.

Прохоровский курганный могильник расположен на возвышенности водораздела рек Дема и Салмыш в Шарлыкском районе Оренбургской области (до революции Михайловской волости

Оренбургского уезда), недалеко от деревни Прохоровка (в настоящее время исчезнувшей), по которой и получил своё название.

По рассказам жителей, записанным полицейскими чиновниками в 1911 году, основатель деревни, купец Прохоров, заложил ещё в начале XIX века хутор в этих местах, выкупив по очень низкой цене земли у обитавших здесь башкир. «Однажды въ одномъ изъ кургановъ, ближайшемъ къ его дому, притомъ отличавшемся большими размерами, онъ копаль для хозяйства яму и выкопаль массу золотыхъ предметовъ, которыя продалъ и на вырученныя деньги между прочимъ построилъ церковь и ограду вокругъ нея, включивъ въ неё и курганъ; на нёмъ впоследствии устроили кладбище» [В.Ю. Зуев, 2003, с. 7].

Могильник состоял из одного большого, пяти средних и трёх малых курганов. Как упомянуто выше, большой курган был превращён жителями Прохоровки в кладбище. К 1911 году на нём было расположено более 100 могил, что спасло его от грабительских раскопок в начале XX века. В качестве кладбища курган использовался практически до наших дней. По этой причине он сохранился и даже в наше время не может быть подвергнут археологическим раскопкам. А вот остальные курганы в могильнике раскапывались не единожды.

История их раскопок началась в далёком 1911 году.

Этот год, как известно, был голодным в Приуральском крае. Хлеб совсем не уродился, побочного заработка тоже не было, и население было без работы. В с. Прохоровка (Чёрный Колодец тож), состоящем наполовину из украинцев, переселившихся на Чёрный колодец из Золотоношского уезда Полтавской губернии, одному из крестьян, по имени Олифер (Логин Платонович Олиференко), пришла мысль заняться раскопкой кургана, находящегося на его пашне. Незадолго перед тем Олифер был на родине в Полтавской губернии и видел там, как один профессор копал курганы. Снявши насыпь или выкопавши колодец в центре кургана и добравшись до погребения, профессор отсылал рабочих на другой курган, а сам, оставшись с одним-двумя помощниками, забирал деньги и золото, находящиеся в курганах. У Олифера явилась мысль попытаться счастье на своём поле, тем более что на его и на соседних курганах как он сам, так и односельчане неоднократно по ночам видели огни, что служило уже явным свидетельством клада, находящегося в кургане. Случилось так, что курган, раскопанный Олифером, оказался сравнительно небольшим и очень богатым. Последнее обстоятельство побудило остальных прохоровцев

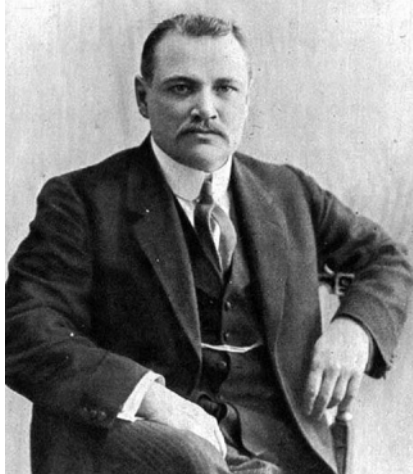
и крестьян окрестных деревень заняться раскопками. Прохоровцы успели раскопать только три кургана до вмешательства полиции, явившейся по доносу самих же кладоискателей, между которыми при дележе выкопанных предметов произошла драка.

Раскопки полицией были прекращены, разрытые курганы засыпаны, а вещи отобраны. Через несколько дней после случившегося в Прохоровку приехал местный земский начальник господин Катин, нанял рабочих и начал снова перекапывать уже разрытые курганы и один ещё нетронутый, но, по словам прохоровцев, не найдя ничего, через несколько дней уехал. Позднее прохоровцы раскопали ещё три кургана из той же группы. В двух из них (малых) ничего, кроме костей, не нашли, а предметы, добытые из третьего кургана, добровольно передали становому приставу Филатову, надеясь получить за них вознаграждение. Предметы эти, вместе с несколькими задержавшимися от первых раскопок, уже во второй срок были препровождены господином Филатовым в Оренбургскую Архивную комиссию [М.И. Ростовцев, 1918, с. 2-3].

Позднее Н.Я. Катин подготовил отчёт о раскопках у деревни Прохоровки, рукописный текст которого передал хранителю музея Архивной комиссии Жозефу-Антуану Кастанье (Иосифу Антоновичу Кастанье), попросив

его подготовить и прочесть доклад о раскопках в Прохоровке на заседании комиссии. Доклад, текст которого был основан на доносениях станового пристава Филатова и отчёте Катина, был прочитан И.А. Кастанье на заседании Учёной Архивной комиссии 18 октября 1911 года. Основной вывод, к которому пришёл Кастанье: «Судя по найденным предметам, эти курганы можно приписать финскому народу мордве, черемисам и т. п., обитавшим в Оренбургском уезде в XI, XII вв., но не раньше десятого столетия» [В.Ю. Зуев, 2003, с. 10].

Возможно, материалы из Прохоровки ещё долгие годы под данной атрибуцией значились бы в запасниках сначала музея Учёной Архивной комиссии, а затем Оренбургского областного краеведческого музея, куда они попали при передаче фондов комиссии в связи с её упразднением. И кто знает, как в последующем сложилась бы судьба интересующих нас предметов, учитывая грядущие события — тотальную смену власти и всего уклада общественной жизни, создание казахской автономии со столицей в Оренбурге, затем перенос столицы Казахстана в Кызыл-Орду, в связи с чем туда были вывезены многие ценные экспонаты Оренбургского музея, в том числе самые яркие экземпляры из прохоровской коллекции. Последняя имела все шансы кануть в Лету, если бы не одно обстоятельство.

Михаил Иванович Ростовцев, профессор Санкт-Петербургского университета. 1915 год. Фото из книги В.Ю. Зуева «Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье», Санкт-Петербург, 2003.

В августе 1915 года в Оренбург навестить своих родителей приехал известный учёный-антиковед, профессор Петроградского университета, член-корреспондент Императорской Академии наук, археолог Михаил Иванович Ростовцев. Его отец Иван Яковлевич Ростовцев, русский филолог-классик, в 1890 году был назначен на должность попечителя Оренбургского учебного округа. Частью по должности, частью по личным интересам он был деятельным участником едва ли не всех объединений местной интеллигенции, от христианского проповеднического братства Михаила Архангела до губернской Учёной Архивной

комиссии. Во многом именно его служебной и общественной деятельности город был обязан своего рода первым детским парком на уральском берегу и постановками на гимназической сцене античных трагедий на древнегреческом языке.

Часть своего дома семья Ростовцевых отвела под музыкальные занятия, точнее — своего рода музыкальные курсы для даровитой местной молодёжи. Тем же целям образования и культуры служили устроенные Ростовцевым литературные чтения в оренбургской мужской гимназии. Субботними вечерами гимназисты и учителя словесности,

Иван Яковлевич Ростовцев, действительный тайный советник, попечитель Оренбургского учебного округа. Фото из фондов ГАУК «Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей».

которых классическая литература интересовала сверх обычных школьных занятий, читали здесь вслух и обсуждали античных и современных писателей, более того, делали сообщения об их творчестве [Ю.А. Окунь, 1994, с. 107-108].

Именно в Оренбурге И.Я. Ростовцев осуществил свою мысль о переводе на русский язык римской истории Тита Ливия: перевод был выполнен при участии учителей разных гимназий учебного округа, а затем издан под редакцией П.А. Адрианова в Москве — «Римская история от основания города» [М., 1892—1899].

Не менее заметную роль в общественной и культурной жизни города и губернии играла мать семейства Ростовцевых — Мария Ивановна, урождённая Монахова. Дочь армейского и супруга статского генерала, имея отменное образование, внесла весомый вклад в общественную жизнь дореволюционного Оренбурга. Мария Ивановна не только профессионально занималась литературными переводами, преподаванием иностранных языков, но и активно развивала местное отделение общества любителей садоводства. Её заботами в городе, который ещё недавно восполнял по распоряжению начальства нехватку кустов и деревьев окраскою крыш в зелёный цвет, становилось всё больше и больше настоящей, живой зелени.

Из года в год на летних курсах учителей сельских, в том числе казачьих школ Мария Ивановна преподавала теорию и практику опытной работы и разведения садов и огородов, а зимой вела хозяйственные и денежные дела общества.

Иными словами, с переселением в Оренбург семейства Ростовцевых общественная и культурная жизнь города и края стала заметно богаче [Ю.А. Окунь, 1994, с. 108-109].

Семье Ростовцевых в Оренбурге принадлежали дома в Атаманском переулке (№ 3 и 5) и на улице Перовской (№ 2) [А.М. Давыдов, 2023, с. 52]. Кроме того, у И.Я. Ростовцева было загородное имение, в котором и гостил М.И. Ростовцев в 1915 году.

По одной из версий, именно Ростовцев-старший привлёк к доисследованию разграбленных Прохоровских курганов своего сына, видного знатока иранской и классической древности, с лёгкой руки которого местный археологический материал вошёл в оборот большой науки [Ю.А. Окунь, 1994, с. 107]. По другой версии, председатель Оренбургской Учёной Архивной комиссии А.В. Попов, узнав о приезде в Оренбург М.И. Ростовцева, решил лично показать ему все коллекции древностей, собранные комиссией за многие годы.

Итак, во время своей поездки в Оренбург М.И. Ростовцеву

удалось осмотреть коллекции археологических находок с территории Оренбуржья, хранящиеся в музее Учёной Архивной комиссии, в том числе находки из Прохоровских курганов. Особый интерес у него вызвали надписи на серебряных блюдах-фиалах, вследствие чего он попросил А.В. Попова сделать качественные фотографии находок и прислать их в Петроград. Как известно из переписки А.В. Попова и М.И. Ростовцева, хорошие снимки удалось сделать далеко не сразу. А.В. Попов даёт тому объяснение в своём очередном письме М.И. Ростовцеву: «По недостатку как рабочих рук, так и — главное — фотографических материалов, — почти все они доставлялись к нам из Германии» [В.Ю. Зуев, 2003, с. 14]. В итоге фотографии были изготовлены благодаря владельцу фотоателье «Мария», расположенному в Оренбурге на улице Николаевской, который настолько подключился к процессу, что поставил данный вопрос делом чести. В итоге посылка с описаниями предметов из Прохоровки и качественными снимками была получена М.И. Ростовцевым в феврале 1916 года в Петербурге. Описания А.В. Попова содержали массу противоречий, что, видимо, ещё больше укрепило намерения М.И. Ростовцева доисследовать Прохоровские курганы.

С середины апреля М.И. Ростовцев обращается в различные ведомства в Оренбурге и Петрограде с целью изыскать средства для проведения раскопок. Во время решения финансовых вопросов ему становится известно о подготовке на Южный Урал топографической экспедиции, финансирующейся военным министерством, в состав которой вошёл ассистент Петроградского университета, секретарь университетского Антропологического общества Сергей Иванович Руденко, в будущем видный советский учёный — этнограф и археолог. Кроме того, Руденко подал в Императорскую Археологическую комиссию запрос о выдаче ему Открытого листа на право производства раскопок в Оренбургской губернии (Открытый лист — разрешение на право производства археологических исследований в дореволюционной России, СССР и в современной России; в дореволюционной России выдавался Императорской Археологической комиссией). М.И. Ростовцев, переговорив с С.И. Руденко о возможности проведения им раскопок Прохоровских курганов с целью доисследования, ходатайствовал перед Императорской Археологической комиссией в удовлетворении запроса С.И. Руденко о выдаче Открытого листа и выделении ассигнований на проведение раскопок.

В результате в июне 1916 года С.И. Руденко прибыл в Оренбург. Весь июль и начало августа он провёл в поле по делам топографической экспедиции. В Прохоровку с целью доисследования курганов Руденко прибыл 25 августа. Он опросил участников событий 1911 года и совместно с топографами снял топографический план памятника. Необходимо отметить, что этот план до наших дней являлся важным источником в изучении Прохоровского курганного могильника, а современные исследователи пользуются нумерацией курганов по плану 1916 года [М.И. Ростовцев, 1918, с. 4]. Непосредственно к археологическим раскопкам приступили 27 августа. Силами Руденко и 15 нанятых им рабочих для земляных работ из числа местных крестьян было доисследовано 2 кургана, раскопанных в 1911 году, и ещё два не тронутых до того времени кургана. 2 сентября 1916 года С.И. Руденко закончил работы у Прохоровки и отбыл в Оренбург. Затем, по возвращении в Петроград, в ноябре 1916 года он представил в Императорскую Археологическую комиссию рукопись о полевых исследованиях. Отчёт С.И. Руденко, в том числе топографический план, были опубликованы в книге М.И. Ростовцева «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», вышедшей в Петрограде в 1918 году. Таким образом,

в 1916 году С.И. Руденко было изучено 4 погребения в четырёх курганах могильника. Это были первые археологические раскопки будущего известного советского археолога, исследователя Пазырыкских курганов на Алтае.

Детально изучив находки из Прохоровского могильника, М.И. Ростовцев сделал ряд важных выводов о племенах, оставивших эти курганы: об их отличии от западных соседей (скифов) и восточных соседей (ранних кочевников Западной Сибири и Алтая), о связи кочевого населения оренбургских степей с Ираном, а также об иранском происхождении этих народов. Но самое главное — он отождествил эти племена с сарматами, особо подчеркнув их отличие от савроматов Геродота. Примечательно, что, несмотря на смутное время отечественной истории, а это и Первая мировая война, и революционные события в России, на основе анализа уникальных находок из Прохоровки М.И. Ростовцевым было положено начало отечественному сарматоведению.

Благодаря широкому кругозору и глубокой проницательности исследователя его выводы нашли подтверждение в результатах раскопок, проводившихся спустя столетие.

Изучив обстоятельства раскопок начала XX века и опираясь на опыт археологических раскопок сарматских некрополей,

М.И. Ростовцев (в центре) с родителями, сестрой и братом в имении Борисовка Оренбургской губернии. 1905 год. Фонд Ростовцева в Дьюкском университете в городе Дарем. Фото из книги В.Ю. Зуева «Скифский роман», М., 1997.

учёные пришли к выводу о перспективности доисследования памятника, что и было сделано в 2003–2005 гг. под руководством Леонида Теодоровича Яблонского — заведующего сектором скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (Москва). В совместной экспедиции кроме учёных из Москвы приняли участие студенты Оренбургского госпедуниверситета во главе с Дмитрием Владимировичем Мещеряковым, в то время сотрудником археологической лаборатории университета. Всего

было исследовано 39 погребений в 7 курганах могильника. Нераскопанным остался лишь большой курган, занятый деревянным кладбищем.

Полученный обширный материал полностью подтвердил выводы М.И. Ростовцева, что ещё раз доказывает его глубокую научную проницательность. Несмотря на то, что его жизнь была начата в украинском Житомире, а окончена в американском Нью-Хейвене, одно из его важнейших научных открытий напрямую связано с Оренбуржем.

Литература

1. В.Ю. Зуев. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (По итогам экспедиции 2001 г.). СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. — 72 с.

2. М.И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма: С прил. акад. П.К. Коковцова и С.И. Руденко: С 10 табл., карт. и 45 рис. в тексте. Петроград, 1918. — 124 с.

3. Ю.А. Окунь. Семья Ростовцевых в общественной и культурной жизни Оренбурга конца XIX — начала XX века // Оренбургскому краю 250 лет. Материалы научной конференции, посвящённой 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской

области. — Оренбург: Южный Урал, 1994. С. 106—109.

4. А.М. Давыдов. «Портрет неизвестного в гражданском мундире» из собрания Оренбургского музея изобразительных искусств. Вопросы атрибуции // Межрегиональная научная конференция «Оренбуржье и оренбуржцы в изобразительном искусстве дореволюционной России» к 150-летию со дня рождения художника-передвижника Лукиана Васильевича Попова (1873—1914): сб. науч. статей. / Под общ. ред. Ю.Э. Комлева; Оренбургский областной музей изобразительных искусств, НИИ истории и этнографии Южного Урала ОГУ. — Оренбург, 2023. С. 49—61.

** Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий, проект № ПФКИ-25-1-008685 «Прохоровские курганы – истоки сарматской археологии».*